

УДК 304.444: 316.6

https://doi.org/10.33619/2414-2948/59/31

ОТРАЖЕНИЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВТОРСКОГО И МАССОВОГО КИНЕМАТОГРАФА

©Кузина Н. В., ORCID: 0000-0001-9094-7182, SPIN-код: 2069-8510, канд. филол. наук, Центр исследования проблем безопасности РАН, г. Москва, Россия, nvkuzina@mail.ru

©Кузина Л. Б., Федеральный научный центр пищевых систем В.М. Горбатова РАН, г. Москва, Россия, kulibo.kavai@yandex.ru

REFLECTION AND PREVENTION OF ETHNO-CONFESSIONAL CONFLICTS WITHIN RUSSIAN MEGAPOLIS IN THE WORKS OF AUTHOR AND POPULAR CINEMA

©Kuzina N., ORCID: 0000-0001-9094-7182, SPIN-code: 2069-8510, Ph.D., Center research security problems the RAS, Moscow, Russia, nvkuzina@mail.ru

©Kuzina L., Federal Research Food Systems Center V.M. Gorbatova RAS, Moscow, Russia, kulibo.kavai@yandex.ru

Аннотация. Для предупреждения мигрантофобии в мегаполисах важны не только законодательные меры, но и конструируемые с помощью произведений культуры (прежде всего в документальном и художественном киноискусстве) образ мигранта и этика отношения к мигранту. Рассматриваются фильм «Айка» С. Дворцевого, сериалы «А у нас во дворе» (1–2 сезоны) О. Музалевой, «Салам, Масква» П. Бардина, «Зулейха открывает глаза» Е. Анашкина, медиапроект «В холоде» Кс. Диодоровой, документальное журналистское расследование «Питер. Метро. 3.4.17» Е. Зобниной, информационный документальный фильм «В Москву на заработки» (по заказу ММЦ) и др.

Abstract. Present pandemics made all issues related to regulating the life of migrants with different mindset, language, culture as well as religious affiliation in megapolis utterly topical under conditions of closure of most of businesses and air traffic disruption. As the paper argues apart from new legislative measures, representations of the migrant's image (the Other) and ethics of communication with migrant (the Other) in mass conscience previously emerged and built up in culture and most notably brought about by means on cinematic art, both documentary (including mass-media video production) and fiction film are of vital importance in avoiding the negative scenario. Representation of the migrant's image and ethno-confessional conflicts is exemplified by the film "Ayka" by S. Dvortsevov, TV-series "Here at our backyard" (1–2 seasons) by O. Muzaleva, "Salam, Masqwa" by P. Bardin, "Zuleykha opens her eyes" by E. Anashkin, media project "In the cold" by K. Diodorova, documentary journalistic investigation "Piter. Metro. 3.4.17" by E. Zobnina and non-fiction information film "In Moscow in search of a living" (on behalf of MMC).

Ключевые слова: трудовые мигранты, толерантность, мегаполис, менталитет, социальная оценка, кинематограф.

Keywords: migrant workers, tolerance, megapolis, mindset, social assessment, cinema.

Актуальность исследования. Активность трудовой внешней миграции и уровень этносоциальной напряженности в российских мегаполисах. В связи с общим трендом на рост миграционных потоков многие города — «миллионники» Российской Федерации в XXI веке превратились в поликультурную среду с совместным проживанием в них представителей далеких друг от друга по особенностям уклада повседневной жизни, менталитету этносов. Как это не парадоксально, процесс распада СССР привел не только к отдалению образа жизни и системы ценностей граждан бывших союзных государств от единого общего стереотипа жизни и системы ценностей «советского человека», но и к неожиданной реализации метафоры «семья народов», «дружба народов» — уже не в пределах государственного образования, а в пределах большого населенного пункта, принимающего во временные или постоянные жители представителей многих бывших союзных республик (прежде всего среднеазиатских).

Так произошло, что в связи с падением уровня жизни в бывших союзных республиках и в связи с неблагоприятным трендом в демографии, прежде всего, снижением количества трудоспособного населения в Российской Федерации, а также в связи с появившемся вследствие изменений в экономическом укладе большим количеством рабочих мест в сегменте малого и среднего бизнеса, с невысокой оплатой труда и низкими запросами к квалификации работника, не затребованных автохтонным населением. Россия в середине 2000-х годов начала нуждаться в рабочей силе, что сделало необходимым «привлекать международных мигрантов, разрабатывать такую миграционную политику и законодательство, при которых с помощью правовых, административных, экономических, организационных и психологических инструментов можно стимулировать приток востребованных в отраслях экономики специалистов различных квалификаций» [28, с. 62].

Именно из республик бывшего СССР в Российскую Федерацию в настоящее время попадает (за исключением Китая) наибольшее количество внешних мигрантов. Так, по постановке на миграционный учет с января по июнь 2020 года странами с наибольшим потоком въезжающих в Российскую Федерацию стали (градация по увеличению потока): Молдова (121830), Китай (153119), Киргизия (379755), Украина (431030), Таджикистан (1027915), Узбекистан (1814377) (<https://clck.ru/RMZia>).

Общее количество фактов постановки внешних мигрантов на миграционный учет за эти месяцы по всем регионам Российской Федерации составило 5328887 (за тот же период 2019 года — 8 704 649) (<https://clck.ru/RMZkS>). Из них с целью работы по всем регионам были поставлены на учет за первое полугодие 2020 года 1534429 человек. Лидерами из регионов по количеству постановок на миграционный учет стали субъекты федерации, которые, вероятно, по уровню жизни представляются наиболее комфортными для внешних мигрантов. Это Москва — 1331483 постановок на миграционный учет, Московская область — 618916, Санкт-Петербург и Ленинградская область — 591929, Краснодарский край — 192900, Иркутская область — 136553, Свердловская область — 118208, Республика Татарстан — 99216, Приморский край — 92041, Новосибирская область — 87388, Самарская область — 86972, Красноярский край — 85783, Калужская область — 85563, Амурская область — 79006, Ханты-Мансийский АО — 76497, Челябинская область — 72920, Нижегородская область — 70257, Ростовская область — 67987 и др. При этом оформлено патентов на работу за первые шесть месяцев 2020 г иностранными гражданами или лицами без гражданства по всем регионам Российской Федерации всего 649 145 (за тот же период 2019 года — 1 024 451), что составляет чуть более, чем 10-ю часть от всех граждан, въехавших в страну, а также только третью часть от въехавших в Российскую Федерацию с

целью осуществления трудовой деятельности. Количество снятий с миграционного учета с января по июнь 2020 года по всем регионам Российской Федерации составило 4758553. Несмотря на падение привлекательности Российской Федерации для трудовых мигрантов в связи с коронавирусом по сравнению с 2019 годом, достаточное их количество легализовалось и остается на момент окончания статьи в стране, трудится официально (<https://clck.ru/RMZxa>).

Несмотря на следовавшие в начале весны прогнозы повышения уровня преступности в среде мигрантов, по данным ГУ МВД РФ за январь-июнь 2020 года, «действующие в регионах России ограничительные меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции не привели к росту количества преступлений, совершенных иностранными гражданами. Противоправных деяний данной категории зарегистрировано на 3,8% меньше».

С другой стороны, согласно официальным данным Роструда, прирост безработных с апреля по июнь 2020 года составил в Российской Федерации по отношению к цифрам 2019 г более 2 млн 100 тыс человек (<https://clck.ru/RMa23>). Таким образом, внешние мигранты, въезжающие в страну с целью трудовой деятельности, хотя бы формально составляют конкуренцию автохтонному населению на рынке труда.

Снижение численности населения Российской Федерации заставляет принимать меры по привлечению трудовых мигрантов. Правительство Российской Федерации планирует, начиная с 2021 г., привлекать минимум по 300 тыс. чел внешних мигрантов в год. Необходимо осознавать, что вместе с таким объемом запланированных потоков мигрантов, мы впускаем на территорию государства чужую идеологию и культуру, по иным моделям выстроенные межличностные отношения, а также преступность (в том числе радикальные и террористические идеологии).

На протяжении длительного времени в постсоветский период последовательную научную работу в части исследования проблем миграции, прежде всего выявления причин и условий незаконной миграции, а также деятельности преступных транснациональных групп ведет коллектив научных работников ЦИПБ РАН. В том числе исследуются и вопросы деструктивного информационного идеологического воздействия как способа эскалации конфликтов и роста противоправных тенденций в данной среде [8, 26].

Основные публикации научного коллектива ЦИПБ РАН последних лет по проблемам миграции и межэтнических отношений посвящены направлениям совершенствования законодательной системы Российской Федерации в сфере миграции [13], национальной и экономической безопасности в связи с проблемами внешней миграции [3-5], вопросам эффективности мероприятий по предотвращению транснациональной преступности, в том числе межнационального межгосударственного наркотрафика и терроризма [14; 15], прогнозированию факторов роста этно-конфессиональной, этнополитической напряженности, а также сепаратизма и экстремизма в полиэтничных регионах Российской Федерации (а также в регионах с высокой долей внешних мигрантов) — в том числе в связи с несоблюдением норм информационной безопасности [8; 25; 26], вопросам здоровьесбережения мигрантов [6, 7].

Анализ притока мигрантов из-за рубежа по регионам Российской Федерации в прежние годы (например, в 2008-2016 гг.) неоднократно становился предметом исследований отечественных ученых. В отечественной статистике используется и показатель среднего прироста населения региона за счет международной миграции [19, с. 13-31].

Так, на основе статистического анализа было доказано, что «способность региона самостоятельно заполнить потенциальные трудовые ниши, занимаемые международными мигрантами, обеспечить высокий уровень трудоустройства специалистов рабочих специальностей и лиц, не имеющих высокую квалификацию, способствовала снижению потребности в подобного рода трудовых ресурсах» [19, с. 21-22]. Отмечалось, что «в регионах с высоким уровнем безработицы и большим удельным весом безработных, находящихся в затяжном поиске работы и большим периодом нахождения работы, наблюдался значительно меньший среднегодовой прирост международных мигрантов, чем в регионах, где ситуация на рынке труда была более благоприятной» [19, с. 22].

При этом внешняя миграция из стран с более низким, чем в Российской Федерации, уровнем жизни, как показывает и региональная статистика 2020 года, была ориентирована исключительно на большие города — «миллионники», прежде всего, по наблюдениям исследователей, на (по увеличению миграционного потока) на Новосибирск, Санкт-Петербург, Москву. К началу 2016 г., например, в России было 15 городов-«миллионников», куда устремились внешние трудовые мигранты [22, с. 6].

Тот факт, что первое место по притоку внешних мигрантов занимает Москва, объясняется рядом причин, «которые не позволяют городу успешно функционировать без постоянного притока рабочей силы:

- гипертрофированное развитие нестоличных функций города;
- перекос в сторону промышленного производства в градообразующих отраслях;
- экстенсивный путь развития промышленности;
- большое число в городе рабочих мест с высокой долей ручного труда;
- значительное количество рабочих мест, не пользующихся спросом со стороны москвичей» [22, с. 9].

Как отмечают исследователи, миграция стала социальным маркером, отражая позитивные и негативные изменения, происходящие в России, подтверждая, что в во многих регионах имеются проблемы в социальной, экономической, общественной жизни. Так, социальные условия, в целом низкий уровень жизни в регионе делает его непопулярным и для внешних мигрантов [28, с. 442].

Выявлено, что «распределение трудовых мигрантов по отраслям экономики тесно связано с особенностями и спецификой социально-экономического развития регионов, их производственной направленностью. Максимальная доля трудовых мигрантов, осуществляющих экономическую деятельность в России, принадлежит строительству, достаточно большие значения имеют сельское хозяйство» [28, с. 443].

Несмотря на выраженную потребность в рабочей силе мигрантов, традиционно в социальном бессознательном присутствует двойственное отношение к ним. Мигранты зачастую автохтонным населением воспринимаются как принадлежащие к общественной страте «андерменш» — исключенные люди, деклассированные элементы, как опасная чужеродная сила. В связи с ростом внешней миграции и в связи с данной двойственностью в XXI в. остро встал вопрос об управленческих решениях и социальных технологиях, регулирующих до оптимально допустимых проявлений этно-конфессиональную напряженность, не допускающих открытых проявлений этно-социальных конфликтов, прежде всего в мегаполисах России [17, с. 171-184]. По данным Маткаримовой Г. В., в 2016 г. 80% опрошенных на вопрос — «Существует ли, на Ваш взгляд, межэтническая и межрелигиозная напряженность в Москве?» — ответили утвердительно [17, с. 172].

Этно-социальная напряженность в поликультурной среде, в том числе в мегаполисе, проявляется на поведенческом и на предваряющем его оценочном уровне. В зависимости от форм проявления выделяются несколько моделей этнокультурной напряженности: низкая напряженность в оценке и в действиях; высокая в оценках и более низкая в действиях («Напряженность только осознается, но конкретные деструктивные действия не производятся») [17, с. 175].

Как отмечает Г. В. Маткаримова, для Москвы в настоящее время присуща вторая модель напряженности, а именно — относительное спокойствие в отношениях между представителями различных этно-конфессиональных общностей, но присутствующая при этом «высокая напряженность на субъективно-оценочном уровне и достаточно низкая — в поведении» [17, с. 175]. В этой ситуации скрыта опасность латентного, скрытого этно-конфессионального конфликта, так как «напряженность возникает на субъективно-оценочном уровне, аккумулируется и при определенных условиях переходит на уровень поведения, готовности к действиям, направленным на преодоление этно-культурных несоответствий» [17, с. 175].

Каждый десятый москвич, согласно данным опроса, отмечает, что лично подвергнулся неприязненному отношению по национальному и/или религиозному признаку, 6,5% информантов-москвичей отмечали, что также выражали враждебность к другим этно-конфессиональным группам. При этом реальные проявления негативного отношения, враждебности по отношению к представителям других этносов и конфессий встречается чаще (35,8%) [17, с. 175].

В исследованиях было отмечено, что индекс этно-конфессиональной напряженности в мегаполисах в 2000-2010-е гг. растет вместе с ростом количества мигрантов в мегаполисе и вместе с ростом встающих социокультурных, экономических, демографических проблем, возникающих в связи с их пребыванием в городе. Отвечая на вопрос о готовности защищать с оружием в руках свое вероисповедание и приоритеты национальности около половины жителей столицы (45,7%) выразили готовность к защите этнических интересов и 40,3 % — к защите религиозных: около 21% опрошенных, безусловно, готовы защищать с оружием этнические идеалы, 15%, готовы защищать религиозные интересы [17, с.176].

Исследователи подчеркивают, что содержанием конфликта являются, как правило, не религиозные, а именно социокультурные различия и непонимание особенностей менталитета этнических групп: «Этничность в контексте московских реалий в большей степени определяет содержание напряженности. Негативные оценки по отношению к представителям других этносов, готовность к конфликтным действиям на национальной почве более распространены в общественном мнении жителей мегаполиса, что, в свою очередь, обуславливается во многом большей значимостью этнической принадлежности» [17, с. 177]. Исследователи неоднократно отмечали, что в эпоху глобальных перестроек государственной системы этническая идентичность для россиян превалирует над гражданской, при этом потребность в этнической идентичности для человека является базовой» [17, с. 178]. При высокой межрелигиозной толерантности среди москвичей [17, с. 178], наблюдается негативное отношение к таким этническим общностям, как «таджики (14,6%) чеченцы (8,8%), дагестанцы (7,5%), азербайджанцы (6,3%), узбеки (6,3%) и другие [17, с. 179] (в процентном отношении к числу опрошенных). Мусульмане Кавказа вызывают негативное отношение у более, чем 17 процентов опрошенных москвичей [17, с. 179].

В целом выделяется две группы этносов, к которым автохтонное население Москвы испытывает неприязнь: народы Кавказа (52,5% от числа опрошенных), народы Средней Азии

(28,3% от числа опрошенных) [17, с. 180]. Показательна динамика развития этно-конфессиональной напряженности в российском мегаполисе [16].

Исследователи отмечают ее рост в последнее десятилетие до 80% [16, с. 138-139]. При этом уменьшается доля москвичей с низким уровнем напряженности, а небольшая доля жителей города с нулевым уровнем этнокультурной напряженности к 2013 г. совсем исчезает. Количество опрошенных со средним уровнем напряженности на середину 2010-х гг. составляло около 40%, увеличивалось количество среди респондентов с высоким уровнем этно-культурной напряженности (высокий — с 14,4% до 18,9%, очень высокий с 2,8% до 6,2%)».

Исследователями уже была разработана модель прогнозирования дальнейшего развития этно-конфессиональной напряженности, «в рамках которой представлены исходная, факторная и прогнозная модели напряженности», выделены существенные факторы, влияющие на показатели этно-конфессиональной напряженности». На нее влияет тот факт, что в Москве «увеличилось количество представителей тех этно-конфессиональных общностей, которые не имеют опыта совместного проживания в Москве (народы Кавказа, Средней Азии)», этот факт резко увеличил социокультурную дистанцию между представителями различных этно-конфессиональных общностей и как следствие — способствовал росту напряженности. Также напряженность растет в ответ на увеличение доли нелегальной иммиграции.

Главными факторами увеличения напряженности являются социально-политические. Например, то, что в Российской Федерации в последние годы «доминантой национальной политики была и остается культурная интеграция народов, проживающих на территории Российского государства, на основе русской культуры» [16, с. 140], что не всегда удовлетворяет представителей этносов. Однако положительный вклад в снижение напряженности в мегаполисе вносит «градостроительная политика администрации Москвы, направленная на недопущение формирования этнических анклавов на территории города». Также к поиску виновных среди представителей культурно несходных с автохтонным населением этносов приводит «недовольство социально-экономическими условиями» [16, с. 140]: «В ситуации поликонфессионального и полинационального социума имеется тенденция нахождения виноватых, которыми и становятся представители других этнических и конфессиональных групп. Подобными «виновниками» часто становятся культурно отличные группы населения, которые, как правило, представляют этническое меньшинство, мигранты. Большое количество мигрантов способствует росту конкуренции за те или иные ресурсы (экономические, образовательные и т.д.). Таким образом, опосредованным образом, и экономические факторы играют значимую роль в развитии этно-конфессиональной напряженности [16, с. 141].

Фактором роста напряженности является «повышение уровня этнокультурных отличий и различия ценностно-нормативных систем жителей столицы»: «чем ярче выражена «инаковость», тем выше напряженность. К примеру, при видимой этничности (кавказцы, азиаты), отличных культурных традициях (ношение платка, принесение в жертву баранов на улице, совершение молитвы в публичных местах и др.)» [16, с. 141], особенно при увеличении в мегаполисе «доли тех народов, которые не имеют многопоколенческого опыта проживания в московском социуме». Проявляется напряженность прежде всего через социально-психологические факторы — в данном случае прежде всего выражаясь в неуважении традиций иного этноса [16, с. 141].

Отмечается, что информационные ресурсы и культура существенно влияют на данный процесс. Так, СМИ и интернет способствуют «распространению информации, в том числе эмоционально окрашенной, направленной на разжигание межэтнической и межконфессиональной розни. Часто современные СМИ преподносят информацию жителям столицы, не отвечающую объективной реальности (к примеру, завышают число прибывающих мигрантов, уровень рождаемости среди неславянского населения, занижают долю русского населения и т. д.)» [16, с. 142].

Как следствие, «прогнозируется постепенный рост очень высокой напряженности в столичном мегаполисе», «развитие напряженности как в оценках, так и в поведении москвичей» [16, с. 142].

При этом констатируется, что «обеспокоенность жителей столицы ростом числа мигрантов, принадлежащих к определенным этно-конфессиональным общностям, связаны с различными фобиями (исламофобия, мигрантофобия, кавказофобия и др.), которые формируют неприязнь и недоброжелательное отношение к людям другой национальности и религии, что имеет слабую тенденцию к повышению в целом и по стране» [16, с. 144].

В данной ситуации существует выраженная необходимость «принятия управленческих решений с целью недопущения дальнейшего роста напряженности и ее перехода в конфликтную стадию» [16, с. 145].

Целью комплекса мер по снижению напряженности не является ее ликвидация или «предотвращение» напряженности, приведение социума к состоянию, в котором не будет конфликтов, но приведение напряженности к уровню, когда состояние этно-конфессиональных отношений будет малоконфликтным, с минимальной вероятностью перерастания в открытые столкновения.

Отмечается, что этно-конфессиональная напряженность в целом носит имманентный фоновый характер. Напряженность сопутствует жизнь любого мультикультурного социума, так как устранить этнокультурные разногласия невозможно. Так происходит в столичном мегаполисе, прежде всего потому, что «Москва растет преимущественно за счет приезжих, что приводит к непрерывной интеграции новых людей в принимающее общество» [16].

Оптимальный уровень напряженности существует, когда она проявляется лишь в словесной форме, на бытовом уровне, вызвана этническими инокультурными проявлениями мигрантов, без перехода в непосредственные деструктивные действия (столкновения, погромы, митинги и т. п.) [16].

Как отмечается, чтобы избежать этно-социальных конфликтов и взрывов, «такой уровень напряженности необходимо достичь среди большинства жителей столицы (порядка 80%), тогда как небольшой процент населения с высоким и очень высоким уровнями напряженности, естественно, в мегаполисе останется» [16, с. 90].

В современной Москве «происходящие конфликты имеют точечный, локальный характер, преимущественно в местах компактного проживания/пребывания представителей тех или иных этносов и конфессий» [16, с. 86].

Проблемы трудовых мигрантов в российском мегаполисе в настоящее время обострены в связи с пандемией [2, с. 83-88]. Однако происходят и существенные позитивные изменения в законодательной системе, регулирующей существование трудовых мигрантов в Российской Федерации в период пандемии¹.

¹ Распоряжение МВД от 19.03.2020 г. № 1/2964 «О дополнительных мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (2019-nCoV)»; Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения

Как отмечают исследователи, «этно-конфессиональная напряженность, конфликты являются проблемой общественного порядка и в определенной степени – мерой социальной интеграции общества. Поэтому наиболее оптимальным способом оценки эффективности принимаемых мер является социологический мониторинг общественного мнения. Мониторинг позволяет своевременно и объективно измерить «социальное здоровье» социума, определить наличие и характер изменений, достигнутых в результате внедрения социальных технологий, а также выявить направления, требующие дальнейшей реализации управленческой практики с целью снижения этноконфессиональной напряженности» [17].

Не допустить формирования этно-социальных конфликтов в мегаполисе помогает установление коммуникации между этническими сообществами, прежде всего – через ознакомление с культурой проживающих в мегаполисе этносов. Предлагаются, например, «механизмы реализации коммуникативной стратегии по объектам управленческого воздействия в столичном мегаполисе» [17], в их числе – повышение общего уровня осведомленности о других культурах с позиции культурного релятивизма (каналы коммуникации - «комплекс социальной рекламы (наружная, печатная, ТВ, радио, Интернет) на тему «Многообразие столичного мегаполиса», цикл телевизионных и радиопередач на тему «Этнокультурное многообразие столичного мегаполиса», национальные праздники празднования юбилеев выдающихся деятелей культуры, науки и народных героев»); «общественное осуждение фактов проявления дискриминации, насилия, экстремизма на национальной и религиозной почве», «профилактика распространения негативных этно-конфессиональных стереотипов» через распространение информации, разрушающей «негативные этно-конфессиональные стереотипы, создающие почву для развития интолерантности среди населения мегаполиса» [17]. Наиболее перспективными путями реализации стратегии межэтнической коммуникации являются «общепопулярные средства распространения информации (массовое искусство, песенное творчество, сценарии фильмов, теле- и радиопрограмм, комиксы, игры)» [17].

Ключевыми объектами применения коммуникативной стратегии являются следующие социальные группы:

1) население столичного мегаполиса в целом (как каждый житель города, так и в первую очередь — доминирующее русское большинство — то есть объектом приложения коммуникативной стратегии должна являться, по наблюдению разработчиков, этно-конфессиональная общность, характеризующаяся высоким уровнем напряженности по отношению к другим этносам;

2) наименее интегрированные в местную культуру и наиболее социокультурно отличные от автохтонного населения этно-конфессиональные сообщества, а также «те этно-

процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»; Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.04.2020 г. № 239 «Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами»; Федеральный закон от 24.04.2020 № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 133 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»; Федеральный закон от 08.06.2020 № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 15.06.2020 N 392 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан в РФ в связи с угрозой дальнейшего распространения коронавируса»; Федеральный закон от 13.07.2020 № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве РФ» и Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в РФ».

конфессиональные общности, к которым испытывается наибольшая неприязнь москвичей», прежде всего относящаяся к ним молодежь [17]. Таким образом, снижение этно-социальной напряженности в мегаполисе возможно именно через диалог культур и через репрезентацию для автохтонного населения мегаполиса, для русского большинства культуры и менталитета мигранта, образа Другого.

За постсоветские годы в Российской Федерации защищено не менее 2,5 тыс диссертаций по тематике миграции в Российской Федерации, но большинство из них являются социологическими, исследуют особенности законодательного регулирования, экономики, социальной и социокультурной адаптации мигрантов, а не вопрос этно-социальной напряженности и вероятности этно-социального конфликта. Редко поднимается вопрос о причинах данных процессов, о бессознательных стереотипах, существующих в восприятии миграции и влияющих на отношение к мигрантам со стороны автохтонного населения. Данные вопросы изучает кросс-культурная психология, в том числе с использованием методик М. Рокича, Ш. Х. Шварца [24], Г. Х. Триандиса [23], В. А. Ядова [27], В. Ф. Петренко [20] и др.

Образ мигранта в культуре и журналистике рассматривается реже, например [12].

Рассматривая явление мигрантофобии как вид этнической напряженности, существующей в системе социальных факторов [18, с. 10] с использованием социально-психологического подхода, автор определяет актуальную ситуацию как «кризис взаимодействий» [18, с. 3]. Мигрантофобия описывается как многоуровневый феномен (выделяются межличностные и межгрупповые ее типы; мигрантофобия опосредованная и непосредственная; латентная, фрустрационная и открытая мигрантофобия) [18, с. 21]. Опирается на традицию изучения социальной и культурной дистанции, а также толерантности к культурным различиям в отечественной науке [18, с. 4], исследование проводится с участием 4 фокус-групп, при этом выявляются «особенности конструирования семантических образов мигрантофобии» [18, с. 8]. Автор отмечает, что в формировании мигрантофобии центральную роль играют в том числе «субъективные факторы в виде символов, мифических образов и стереотипов» [18, с. 9], при этом «факторная модель мигрантофобии образована фобиями местных жителей по отношению к мигрантам (коммуникативная, атрибутивная, этностигматическая, ситуативная, поведенческая, этностатусная, ресурсная, ментальная, традиционная, политическая, милитаристская фобия и фобия культурных универсалий)» [18, с. 9]. Автор отмечает, что автохтонное население региона делится при этом на группы по отношению к мигрантам: «убежденные мигрантофобы и этнофобы, гуманисты, экономисты, объективисты, бихевиористы и интеракционисты». При этом одним из критериев мигрантофобии является «игнорирование законных потребностей других групп населения на данной территории, признаваемых «чужими»» [18, с. 13]. Различается отношение к мигрантам-студентам, мигрантам-торговцам, мигрантам-строителям, преуспевающим мигрантам [18, с. 10]. Однако анализируется здесь образ мигрантов, сформированный в СМИ периода до сети Интернет, и в целом «восточного человека», а не нового мигранта из Средней Азии.

Материалом для анализа в данной работе стала новейшая кино- и медиапродукция, отражающая актуальный для третьего десятилетия XXI века уровень этнокультурной напряженности в российском мегаполисе: фильм «Айка» С.Дворцевого, сериалы «А у нас во дворе» (1-2 сезоны) О. Музалевой и «Салам, Масква» П. Бардина, медиапроект «В холоде» Кс. Диодоровой, документальный фильм Е. Зобниной «Питер. Метро. 3.4.17», информационный кинофильм «В Москву на заработки» (по заказу ММЦ).

Критерии отбора: произведение должно являться новаторским, несмотря на принадлежность к массовой культуре (или кинодокументалистике), быть по художественным средствам значительным произведением современного искусства, авторы произведения (режиссер, сценаристы) должны принадлежать к автохтонной нации (не являться носителями культуры, которую изображают), то есть кинотекст должен быть отображением этнокультуры мигрантов, полученным извне (авторы произведения не являются носителями этнокультуры).

Цель исследования – установить роль произведений для ассимиляции мигрантов, принятия образа мигранта представителями оседлого населения, для формирования кросс-культурных компетенций в сфере межкультурного общения.

Задачи исследования: выявить общий архетипический сюжет и возможную событийную канву, универсальное в образах персонажей, обнаружить и описать приемы построения кинотекста о мигрантах, выявить исторические, психологические основы интерпретации образа, критические точки воздействия на общественное мнение и социальное бессознательное данных произведений (приносят пользу, нормализуют взаимоотношения автохтонного населения и мигрантов или работают на сохранение существующих стереотипов).

Объект исследования: современное состояние внешней миграции и этноконфессиональной напряженности в мегаполисах России, исторические традиции и психологические основания интерпретации образа трудового мигранта в русской культуре, современный киноязык и художественные средства, в частности, принципы построения сценария и нарратива, образов главных героев, набора второстепенных персонажей и т.п.

Предмет исследования: существующая в исторической традиции, транслируемая с помощью художественных средств кинематографа и усваиваемая общественным мнением, социальным бессознательным через художественный язык информация о менталитете, ценностях, поведенческих особенностях мигрантов и об эталонном, одобряемом в данном сообществе отношении к ним и их культуре.

Методика исследования: структурно-семиотический анализ языка кинообразов и кинонарратива с учетом методики, разработанной В. Я. Проппом при анализе фольклорных повествовательных текстов (волшебной сказки как жанра, наиболее близкого по структуре и функциям персонажей к произведениям о мигрантах).

Гипотеза исследования: Выпуская массовую продукцию с заданным образом мигранта, отечественные деятели искусства задают матрицу восприятия образа мигранта в массовом сознании, транслируют стереотипы. Данная ситуация должна быть осознана и изменена, так как кинематограф (художественный и кинодокументалистика) может внести вклад в формировании толерантности и компетентности в межкультурной коммуникации.

Результаты исследования.

Образ трудового мигранта в отечественной культуре в исторической перспективе

Говоря об образе мигранта, как в кинематографе, так и в социальном бессознательном в целом, необходимо понимать психологические и исторические истоки его возможных интерпретаций в современном отечественном искусстве.

Истоки современного восприятия и интерпретации образа мигранта можно обнаружить в существующем архетипе «Чужака», «Другого», иноземца, иноверца, обладающего отличными от автохтонного населения менталитетом, бытовой культурой, привычками и т. п.

Иной, «Другой», особенно принадлежащей этнически далекой культуре, в зависимости от особенностей принимающей культуры и конкретной ситуации может описываться:

1) как угроза (угроза стабильности и жизни, сокращения ресурсов, в том числе в связи с войнами),

2) как комический персонаж (в силу своего несходства с представителями принимающего этноса),

3) как потенциальный источник развития и трансформации (для малочисленных и изолированно проживающих народов).

Сама миграция в мировой культуре в целом осознавалась как проявление исторического «великого переселения народов», как архетипический образ путешествия за лучшей жизнью в чужую страну, в искомый Рай. Легенды о данных путешествиях или переселениях для некоторых государств являются системообразующими (например, для США — в том числе миф о Колорадо, Новом Свете и т. п., для Израиля – мотив поиска земли обетованной и др.). В данный период Россия выступает для многих жителей государств постсоветского пространства (Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и др.) как своеобразный «Новый Свет», «земля обетованная».

Россия (за исключением периода миграций и территориальных войн между племенами и союзами племен) почти не знала добровольной иммиграции, переселения в нее народов, несходных по менталитету и расе. В древности факт пришествия на Русь «Другого» по культуре и менталитету был связан с войнами – походами дружин викингов, набегамы половцев, монголо-татарским игом и др. Образ «Другого», обладающего иной культурой, пришедшего на территорию жителя средней полосы России, почти генетически воспринимался как образ завоевателя, захватчика. В Новое время, в том числе в связи с реформаторской деятельностью Петра I, «Другой» стал описываться в народной культуре как «немец», не знающий языка (немой), несущий также чуждую привычной, народной европейскую городскую культуру.

Образ добровольного переселенца, чужеземца, в России связан со временами Петра I, приглашавшего в Россию европейских специалистов для постоянного проживания, и Екатерины II, когда на неосвоенные территории или в слабо развитые отрасли экономики и производства государством ею были приглашены для их разработки немцы-колонисты. Европейцы прибывали в Россию и в ссылку (например, в XIX в. после разгрома Польских восстаний). Переселенец-колонист, польский ссыльный, как правило, не вызывали негативной оценки, в отличие от привезенных во времена правления Петра I специалистов.

В отличие от образа «Другого» - европейца, представление о «Другом», связанном с народами Средней Азии и Кавказа, в культурной традиции (прежде всего в образцах русской письменной культуры — как в летописях, так и в художественной литературе), связано со следующими определениями: хлебосольный, щедрый, агрессивный, заносчивый, выносливый, темпераментный, мстительный, обладающий тонким умом, хитрый, вольный, существующий в системе вертикали жесткого подчинения и власти как в семье, так и в масштабах государственной системы.

При этом в артефактах культуры образ «Другого» с Кавказа был ближе к представлению о природном начале, вольнице, военном начале, образ «Другого» из Средней Азии ближе к представлениям о строгой государственной иерархии, упорном труде, древней уникальной культуре. В связи с особенностями географического расположения основных торговых путей оба образа соотносились также и с представлением о функции купца, торговца.

Существует также устойчивый образ, пришедший из литературы русского сентиментализма и раннего романтизма начала XIX в., чужестранца с иной культурой как естественного человека, характеризующийся состраданием к нему и попыткой понять и принять незнакомую культуру как альтернативу русско-европейскому укладу жизни отечественной элиты рассматриваемого исторического периода.

Трудовая миграция, но внутренняя, была хорошо знакома российскому обществу в конце XIX - начале XX вв. в связи с явлением «отходничества» - перемещения крестьян в города и на крупные стройки с целью заработать в городе ремеслом на покупку земли или на «вольную» (как до отмены крепостного права, так и позднее). Тяжелый труд, как и мотивация внутренних мигрантов-«отходников», натуралистично отображена в стихотворении А. Н. Некрасова «Железная дорога». Во многое эти мотивы актуальны и для современных мигрантов:

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.
1864 г. [Некрасов, 1981]

Архетип «Другого» — человека с Востока/из Азии как угрозы, хорошо отображенный в историософских сочинениях и дискуссиях рубежа XIX – XX вв. (во многом благодаря содержанию диалогов и стихотворений В. Соловьева), соседствует с архетипом уже советского времени: человек с Востока — привыкший к упорному и тяжелому труду «передовик производства» из союзной республики. Этот образ 1960-1970-х гг. связан в культуре с бурным строительством Москвы, отсылает он также и к представлениям о внутренних мигрантах из отделенных регионов России (понятие «лимитчиков»).

Таким образом, мигрант из Азии и с Востока в России воспринимался либо как завоеватель, либо как купец, либо как активно трудящийся работник.

Можно, таким образом, сказать, что представление о мигранте в современном российском мегаполисе в отечественном кинематографе подготовили исторически сложившиеся на Руси, в Российской Империи, в СССР три составные части и интерпретации этого образа:

- 1) завоеватель (военный человек, захватчик, разбойник и др.),
- 2) купец (торговец),
- 3) бедный работник/естественный человек с иной культурой, нуждающийся в сострадании («андерменш»).

Необходимо отметить, что в национальной народной русской культуре, исторически оседлой, пассионарность, склонность к перемещению в пространстве всегда оценивалась негативно, если не была вызвана настоятельной потребностью (профессиональная

деятельность – ремесло, военные походы и т. п.). В народной культуре имеются устойчивые выражения с негативной эмоционально-оценочной фоновой коннотацией, характеризующие «мигранта»: «перекасти-поле», «ни кола, ни двора, «где родился, там и пригодился» и др. В национальном культурно-хозяйственном укладе, где требовалось прилагать ежедневные существенные усилия для ведения хозяйства на территориях рискованного земледелия, закрепленность на своей земле считалась наиболее положительным, обеспечивающим выживание качеством. Человек, оставляющий отчий дом, вошел в христианскую, в том числе российскую, культуру через архетип «блудного сына». Негативное отношение к трудовым мигрантам сохранилось в имеющем сниженную коннотацию и эмоциональную оценку «лимита», вошедшем в просторечие в 1960-1970-е гг.

В СССР и России уделялось весомое внимание мотивации мигранта, то есть причинам, побудившим его оставить родные места. Учитывая менталитет, сформированный у тружеников в советском государстве, положительно оценивалась трудовая миграция по призыву молодежныхстроек, освоения целинных земель: строительство БАМа, Магнитки, многочисленных ГЭС в Сибири. Образ коллективного труда на благо Родины оценивался положительно, труда во имя улучшения благосостояния своей семьи – негативно, ассоциируясь с понятиями мещанства, обывательства и т. п.

Мигрант (прежде всего с Кавказа, из Азербайджана, Армении, Грузии), в частности, именно из-за этого воспринимался как авантюрист, искатель приключений, надеющийся на «легкую наживу», обогащение за счет автохтонной нации.

Данная ценностная парадигма жива и сейчас в социальном, бессознательном, хотя эра коллективизма сменилась эрой предпринимательства, индивидуализма и пассионарности.

Результаты исследования. Анализ киноконтекста

В нашем исследовании представляется очевидным, что использование строго определенного киноязыка позволяет уменьшить или увеличить указанные автором группы по типу отношения к мигрантам (убежденные мигрантофобы, гуманисты, объективисты, бихевиористы и др.).

Западная Европа и США, также переживающие рост числа мигрантов, активно используют в культуре данный образ. Ранее многократно в культуре и кинематографе США обыгрывались факты захвата Америки европейцами и порабощения местного населения, а также сосуществования принадлежавших изначально к различным социальным стратам афроамериканцев и «белых». Европейские страны и США подняли в произведениях киноискусства проблематику миграции раньше, но к началу XXI в. в основном изображали в киносюжетах процесс взаимодействия «близких» по менталитету и бытовому укладу этносов или культур (например: «Вид на жительство», режиссер Питер Уир, 1990; «Терминал», режиссер Стивен Спилберг, 2014; «Банды Нью-Йорка», режиссер Мартин Скорсезе, 2003; «Столкновение», режиссер Пол Хаггис, 2004 и др.). Вопросы взаимодействия далеких по ценностно-мировоззренческим системам культур рассматривались, в основном, с позиции развлекательного жанра («Вавилон», режиссер Алехандро Гонсалес Иньярриту, 2006; «Заложница», режиссер Пьер Морель, 2008), реже — стали сюжетной основой для социально-психологических кинолент («Гавр», режиссер Аки Каурисмяки, 2011; «Китайская головоломка», режиссер Седрик Клапиш, 2013; «Неприкасаемые», режиссеры Оливье Накаш, Эрик Толедано, 2011 и др.).

Современные фильмы о мигрантах в США не являются остросоциальными. Как правило, отличие современного образа мигранта в кинематографе США (до волны мигрантов

из Сирии) — это мигрант той же расы, он не внушает ужаса, но может быть обвинен в использовании населения страны в корыстных целях. Отличие составляют остросоциальные фильмы французских режиссеров, в которых образ мигранта часто представлен как образ человека другой расы («1+1», «Гавр» и др.).

Характерной чертой зарубежной кинопродукции является наличие мотива преступности в связи с миграцией. Опыт США и стран Евросоюза в работе с мигрантами важен прежде всего в части социо-культурной адаптации данной группы. В данных странах существуют жесткие фильтры к получению гражданства, вида на жительство, в том числе в части знания языка и культуры страны пребывания, а также пресекается незаконное проживание в государствах. Данная тематика нашла отражение и в произведениях кинематографа.

В сравнении с состоянием кино- и массовой культуры о мигрантах в зарубежном кинематографе (США, страны Евросоюза) данные явления в постсоветской культуре достаточно малочисленны. В российской киноиндустрии до последнего времени не уделяли существенного внимания данной проблеме и пути воздействия на массовое сознание в отношении к мигрантам через кинематограф.

Приветствовалось в основном комически сниженное изображение мигрантов в популярных комических телесериалах («Наша Раша», «Кухня» и др.), создаваемых в них образ мигранта мог только усугубить этно-социальную напряженность.

Одним из первых в авторском кино обратился к теме режиссер В. Приемыхов в фильме «Мигранты» в 1991 г.

В 2009 г. узбекским режиссером Ю. Разыковым был снят художественный фильм «Гастарбайтер», в 2015 г. — фильм о жизни таджиков «Побег из Маскбада» режиссера Д. Полторацкой с участием узбекских и российских актеров. В дальнейшем тема для кинематографа уже считалась открытой.

Кинопродукция как прием доведения сведений до адресной аудитории использовался в том числе и миграционной службой. Так, например, в 2017 году для ММЦ в Сахарово (Москва) был снят короткометражный кинофильм с участием актера Ж. Мекмирзаева «В Москву на заработки» (<https://clck.ru/RMbAr>).

Проблема отображения истории внешних трудовых мигрантов в Москве попала и в зону внимания исследователей — социологов и культурологов, в том числе вопрос о преломлении данных образов в кино (<https://postnauka.ru/faq/73472>).

В отечественном кинематографе транслируется прежде всего восприятие мигрантов автохтонным населением. Конфликт между двумя стратами связан не только с этнокультурными различиями: мигрант не только встраивается в незанятую нишу (низкооплачиваемый труд), но конкурирует за рабочие места с жителями российских регионов.

В Российской Федерации в настоящий момент миграционное законодательство претерпевает существенные изменения. Но в целом можно сказать, что градус конфликта, существующего в российском мегаполисе, и согласно исследованиям, опросам, и согласно отражению данных тем в кинематографе, высок. Мигранты при растущем уровне безработицы выступают как конкуренты соотечественникам-россиянам, невольно организуя демпинг и падение заработной платы как дешевая рабочая сила, выгодная работодателю. Вместе с тем мигранты составляют в мегаполисе весомую часть потребителей на рынке аренды жилья, то есть в них заинтересованы не только работодатели, но и лица,

предоставляющие услуги аренды жилья. Вместе с тем мигранты составляют потребителей и государственных услуг, в части образования детей, социальной, медицинской помощи и т. п.

Высокую информативность для формирования или разрушения стереотипов имеют используемые в кинопродукции нарративные стратегии. Например, то, из чьего «сознания» идет изложение событий в киноповествовании. В анализируемых отечественных произведениях преобладает не «он-концепция» (изображение персонажа со стороны, от третьего лица, нейтральным автором-наблюдателем), а «я-концепция» — попытка, осуществляемая автором, с помощью киноязыка показать мир персонажа изнутри, слившись с ним. Изображение событий через сознание персонажа-мигранта говорит о выраженном чувстве сострадания к данной общественной страте, однако данный подход не лишен противоречий: авторы-кинематографисты, как правило, не знакомы с этнической культурой, которую изображают, их представления нередко оказываются схематичными, похожими на изображение жизни «естественного человека» русскими сентименталистами и ранними романтиками начала XIX века («Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Бэла» и «Мцыри» М. Ю. Лермонтова и др.): автор пытается показать мир и ценности персонажа, не понимая и не зная его культуру. Нередко роль представителя той или иной национальной диаспоры в мегаполисе даже исполняет актер, принадлежащий к другому этносу или не знающий языка (главная героиня фильма С. Дворцевого «Айка», главная героиня сериала «Зулейха открывает глаза», главный герой фильма «Побег из Масквабада» и др.). Даже при таланте и глубоком вхождении в роль (Чулпан Хаматова — Зулейха («Зулейха открывает глаза»), Равшана Куркова — Мавлюда («А у нас во дворе»)) телепродукция из-за этого вызывает нарекания критиков в части верности отображения национального быта и традиций). Таким образом, опираясь на «я-концепцию» и повествуя о событиях от лица переживающего данные перипетии персонажа, авторы могут только эмоционально-психологически отобразить сложившиеся у них представления о внутреннем мире мигранта, без знания фактуры и традиций культуры его этноса.

Данная продукция, таким образом, адресована не представителям национальной диаспоры, а тем, кто, как и авторы произведений, не знает изображенную культуру, видит диаспору со стороны. Таким образом, коммуникация с целью снятия этно-социальной напряженности не достигает цели: фильмы могут найти отклик у потребителя из автохтонного населения, но находят самую жесткую критику со стороны представителей изображенного этноса.

Особыми приемами характеризуются произведения документального жанра: от фильма по заказу ММЦ «В Москву на заработки», до проектов К. Диодоровой и Е. Зобниной. Обеими журналистками движет сочувствие к персонажам, при этом в случае Е. Зобниной — на грани уголовной ответственности по статье об оправдании терроризма: молодой автор-журналист пытается провести, опираясь на мнения семьи, окружения, родителей террориста-смертника Акбарджона Джалилова, расследование причин произошедшего, описать жизнь персонажа, внешние и психологические причины его обращения к акту террора. К. Диодорова описывает жизнь 20 семей мигрантов на родине и в Москве, но также, как и Е. Зобнина, — знакомясь с бытом как сторонний наблюдатель, которому как «народному заступнику» персонажи могут рассказать о нерешенных проблемах.

Таким образом, предметом изображения становится во всех случаях образ «Чужого», представителя экзотического, часто враждебного, мира, но «чужого» - вызывающего сострадание, даже при непонимании особенностей уклада жизни его этноса.

Материала для создания образа мигранта и изображения его жизни в Москве в настоящее время в науке достаточно. Например, это исследования коллектива, возглавляемого Е. Б. Деминцевой, которая с середины 2010-х годов возглавляет проект по описанию повседневной жизни мигранта в Москве, с изучением его социальные связи, принадлежности к разного рода сообществам, каждодневных и досуговых практик в различных районах Москвы, выделенных в связи с принципами формирования городской региональной идентичности [1, 9-11].

Современное кино балансирует между мигрантофобией («Салам, Маска» П. Бардина) к бихевиористскому («Айка» С. Дворцевого, «Питер. Метро. 3.4.17» Е. Зобниной) и гуманистическому восприятию («А у нас во дворе» О. Музалевой, «В холоде» Кс. Диодоровой, «В Москву на заработки» и др.). Фильм П. Бардина выбивается из общей модели «сентиментального» кино (с высоким уровнем сострадания авторов к персонажам) в сторону традиций «чернухи», «черной прозы» (по аналогии с творчеством Т. Толстой и др.), натурализма и изображения социального «дна». П. Бардин идет дальше С. Дворцевого в «Айке», где открытый финал натуралистичного фильма, изображающего сложности существования мигрантов-женщин, хотя бы оставляет зрителю надежду на благополучную судьбу героини.

Необходимо отметить, что повторяющийся сюжет кинопродукции о мигрантах в современном кино полностью отражает основной сюжет, в своих вариациях приведенный первым при анализе народных русских сказок В. Я. Проппом (сказочный сюжет о путешествии в чужую страну) [21, с. 18].

Авторы не могут ставить целью воссоздание этнокультуры и менталитета мигрантов, так как не знакомы с ней, поэтому начинают работать на реализацию одной из заложенных в бессознательном архетипических моделей повествования через сказки. Данная модель достаточно глубоко реализована и в самой мотивации отъезда в российский мегаполис мигрантов в реальности — проявляется в мотиве перемещения в чужую страну на заработки в поисках лучшей жизни. Помимо аналогии с отходничеством в русских деревнях XIX века, более всего мотивация перемещения в российский мегаполис связан с архетипической «сказочной» мечтой о процветании и о чудесном изменении своего статуса в чужой стране (например, мечта героини в фильме «Айка» — открыть свой бизнес, приводящая, однако, девушка на грань гибели, к преследованию со стороны кредиторов и к разрыву с семьей).

Без знания культуры этноса полностью восстановить образ переживаний и мотивов персонажа сценаристы и режиссеры отечественного кино не могут. Отсюда — упреки в отсутствии цельности образа со стороны носителей этноса — не только в отображении традиций, но и в понимании их психологии (многочисленная критика сериала «Зулейха открывает глаза», критика образа главной героини в фильме «Айка»).

В кинопродукции оказываются отображены некоторые стереотипы быта и образов этноса, иногда собирательные или «лубочные», повествовательная канва (часто — остросюжетная), а также представлены эмоции сострадания, сопереживания. Во многом кинопродукция как прототип имеет жанр «лубка» — условного изображения каких-либо событий для народного пользования, тяготея, таким образом, к приемам массовой культуры.

Тяготение к сказочному нарративу отражается, прежде всего, в том, что в анализируемых произведениях полностью повторяется структура повествования жанра волшебной сказки и, что важнее всего, все основные функции героев [21, с. 18] — и именно данная архетипичность помогает внушить потребителю кинопродукта определенные эмоции, проектируемые авторами. Перечислим основные элементы (ситуации), формирующие

данную модель повествования по В. Я. Проппу: Один из членов семьи отлучается из дома. К герою обращаются с запретом. Запрет нарушается. Антагонист пытается произвести разведку. Антагонисту даются сведения о его жертве. Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу. Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб. Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо. Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его. Искатель соглашается или решается на противодействие. Герой покидает дом. Герой испытывается, выспрашивается, подвергается нападению и пр., чем подготавливается получение им волшебного средства или помощника. Герой реагирует на действия будущего дарителя. В распоряжение героя попадает волшебное средство. Герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков. Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу. Героя метят. Антагонист побеждается. Начальная беда или недостача ликвидируется. Герой возвращается. Герой подвергается преследованию. Герой спасается от преследования. Герой неузнанным прибывает домой или в другую страну. Ложный герой предъявляет необоснованные притязания. Герою предлагается трудная задача. Задача решается. Героя узнают. Ложный герой или антагонист изобличается. Герою дается новый облик - например, герой выстраивает чудесный дворец, герой надевает новую одежду (например, девушка одевает (волшебное) платье и убор, вдруг обретает сияющую красоту). Враг наказывается. Герой вступает в брак и воцаряется [21, с. 18].

Действия в кинопроизведении строятся по сказочному сюжету: герой, нарушая традиции, отправляется в чужую страну (добровольно или насильственно, иногда – в результате обмана), там вместо повышения статуса он переживает падение социального статуса, испытывает унижения, нередко сталкивается с невозможностью вернуться на родину. Тем самым реализуется трагическая вина персонажа за нарушение запрета и отъезд.

Катабазис (путешествие в «мир мертвых», в «ад») персонаж переживает и в буквальном смысле: его местом жительства часто становится подвал или иные полуразрушенные постройки, не пригодные для жилья; он лишается работы, у него требуют денег коллекторы, он переживает насилие.

Персонаж «теряет лицо», превращается в «Другого»: меняет на более простое и удобное для произношения родное имя, меняет привычную национальную одежду на стандартную для мегаполиса, отказывается от этнически привычного образа жизни и обычаев.

В ходе развертывания сюжета происходит «узнавание» зрителем подлинного лица героя, а именно — его общечеловеческих качеств.

В большинстве фильмов строится или «наивно-позитивный» или «агрессивный» образ персонажа. Основной акцент сделан на перипетии, испытания судьбы, и на мелодраматический, сентиментальный сюжет. Герой с честью проходит испытания и заслуживает вознаграждение, или проходит их с нравственными потерями и несет кару. Очевидно сходство построения кинотекста с принципами построения античной трагедии, где зритель наблюдал за поступками персонажей, нередко двойственных, и за тем, как вследствие содеянного к персонажам, все же вызывающим сострадания, приходит возмездие.

Героя обязательно не понимают представители автохтонного населения мегаполиса («А у нас во дворе», «Айка»). Не показана ценностная система мигрантов, их менталитет, этническая картина мира изнутри (или показана, но символически и отдельными образами,

например, как в сериале «Зулейха открывает глаза»). Но поступки мигранта могут заслужить уважение автохтонного населения («А у нас во дворе»).

Приемы изображения мигрантов в кино укладываются в парадигму эстетики сентиментализма и романтизма начала XIX века: проявлен интерес к естественному человеку, противопоставленному представителю городской российской цивилизации, однако и незнание его культуры. Кинопродукция, как правило, лишена и системы социально-экономического анализа причин положения мигрантов и подобного отношения к ним (оно предзадано).

Основная задача современной художественной российской кинокультуры – увидеть человека за статусом мигранта, «андерменша».

В кинопродукции имеется установка на отображение событийной канвы, низок психологизм в изображении героя. Образ героя-мигранта строится в наивно-сентиментальной, «романтической» манере, его жизненная траектория выстраивается в универсальную последовательность: имеющаяся мечта – планирование способов достижения мечты (центральным из них является миграция) — утрата близких, имущества, пережитые насильственные действия по отношению к мигранту — попытка компенсировать утрату, в том числе трудом и планирующимися к получению за него денежными средствами.

Цель, поставленная перед собой персонажем-мигрантом в связи с отъездом с родины, даже в случае приложения им существенных усилий оказывается, как правило, недостижимой (или не стоит приложенных усилий).

Отображаемые типичные качества образа: жертвенность, целеустремленность, выносливость, неприхотливость, коллективизм.

Отрицательные типичные качества образа: низкий уровень самоуважения, несоблюдение санитарно-гигиенических норм, низкий уровень образования, иногда — отсутствие ценностей вне биовыживательных, отсутствие духовности и др.

Ярко-негативные черты, отражаемые в кинообразе: агрессивность, склонность к противоправной деятельности, иногда - ортодоксальность, фундаментализм.

Одним из обсуждаемых в произведении вопросов является мотивация перемещения мигранта в мегаполис. Например, это открытие своего бизнеса для Айки в фильме С. Дворцового; в сериале «А у нас во дворе» Мавлюда приезжает в Москву на поиски исчезнувшего мужа; в сериале «Зулейха открывает глаза» татарский мальчик Юзуф отправляется в Ленинград, чтобы получить художественное образование (для этого он должен стать по метрике не сыном раскулаченного татарина, а Иосифом Ивановичем Игнатовым, сыном коменданта поселения ГУЛАГа «Семрук», красноармейца).

Выделяется антагонист мигранта из числа автохтонного населения и из числа этнической диаспоры. Данный представитель автохтонного населения по отношению к мигрантам демонстрирует ярко-негативное отношение (с попытками использовать рабский труд мигранта, не заплатить за работу, устранить как физический объект).

Представитель диаспоры, имеющий ресурс (деньги, власть, связи с криминалитетом), также использует соотечественников как средство наживы (через запугивание, нередко — через рабство).

От действий мигранта страдают его дети (становятся сиротами, остаются без средств и т. п.).

Кинотекст связан с гендерным аспектом: если в центре произведения находится образ и путь женщины, то показано, как она ищет в мегаполисе соотечественника, утраченного

члена семьи, или находит любовь, рождает дитя. Если в мегаполисе оказывается мигрант-мужчина, то он, как правило, гибнет или вступает в противоправные сообщества.

Архетипическими образами мигрантов (образами-клише) становятся образ женщины («Зулейха открывает глаза», «Айка», «А у нас во дворе») из азиатского или мусульманского сообщества и образ вступающего (вовлекаемого) на путь нелегальной/преступной деятельности мужчины из одного из азиатских/кавказских этносов («Питер. 3.4.17», «В холоде», «Салам, Масква» и др.), нередко приходящего по данному пути к гибели.

Приведем последовательность развертывания событий в киноповествовании в том случае, если рассказывается история женщины-мигрантки:

1) героиня оказывается одна в тяжелых обстоятельствах в чужой стране, причины отъезда — тяжелые условия жизни на родине, отсутствие работы, наличие мечты, поиски кого-то утраченного;

2) она живет в подвале или месте, не приспособленном для жилья;

3) она теряет кормильца (или не обретает его);

4) героиня переживает ситуацию поиска работы, отсутствия работы, тяжелой работы;

5) героиня переживает обман со стороны работодателя или покровителя;

6) близкие или авторитетные представители этноса, к которым она обращается за помощью, не поддерживают, или покидают ее;

7) героиня теряет или оставляет (бросает) детей;

8) героиня получает помощь от равных по несчастью, иногда — от земляков, более опытных старших женщин;

9) возвращение на родину не может решить проблем героини;

10) проблемы могут быть разрешены только с помощью «чудесного помощника».

Цель нарратива: вызвать сострадание к судьбе женщины-мигрантки через построение сентиментально-мелодраматического сюжетного ряда. Сами персонажи играют при этом роль образов-клише, наподобие сказочных «образов-функций».

Всегда показана стандартная ситуация — дано обобщение, типичный исход различных вариантов событий, нет индивидуализации судеб.

Второстепенными персонажами в кинофильмах о мигрантах являются, помимо антагониста из числа соотечественников или представителей автохтонного населения, также: «угнетатель» (владелец частной компании, управляющей компании, магазина и др., где трудится мигрант, иногда — представитель того же этноса), представители медицины (частной или государственной), полицейские, другие представители диаспоры мигрантов, соседи (жильцы дома из числа автохтонного населения или жильцы общежития-хостела мигрантов); ожидающие на родине близкие; герой-чудесный помощник (из числа местного населения или соотечественник мигранта).

Произведения имеют сходный финал: как правило, это ситуация объединения семьи, обретения кого-то утраченного, восстановление гармонии в микросоциуме, в окружении мигранта. Очень редко — возвращение на родину.

В качестве архетипического часто используется образ женщины с ребенком как символ обретения миром гармонии и будущего (например, героиня Айка с новорожденным сыном в одноименном фильме С. Дворцевого; Зулейха и Юзуф в сериале «Зулейха открывает глаза» Е. Анашкина; Мавлюда и ее дети в сериале О. Музалевой «А у нас во дворе»; персонажи-матери и их дети в проекте Кс. Диодоровой «В холоде»).

В части кинопроизведений показаны два противопоставленных локуса — не только мир мегаполиса, но и мир родины мигрантов. При этом в мегаполисе показаны тяжелые условия

жизни, стигмированность диаспор, уязвленность в социальных правах самих мигрантов. При изображении родины мигрантов сделан акцент на большие семьи и привычную практику длительного разрыва связей между членами семей в результате отъезда части родственников на заработки, патриархальный уклад жизни, мифы о несправедливости по отношению к мигрантам как на родине, так и в стране временного пребывания.

При изображении жизни мигрантов в мегаполисе редко демонстрируются попытки сохранения традиций в национальной одежде («В холоде» К. Диодоровой, «А у нас во дворе» О. Музалевой), национальной обрядности, образе жизни. Данный феномен осуждается: например, изображенная в сериале «А у нас во дворе» попытка мигранта зарезать барашка для угощения после рождения сына вызывает отторжение у автохтонного населения, затем главный герой истории гибнет. Демонстрируется отказ мигрантами от привычной одежды и традиций, тенденция к люмпенизации (например, в фильме Дворцевого «Айка» присутствует установка героини «жить, как все»), отказ от национальных личных имен (например, факт отказа от имени констатируется в документальном медиапроекте Кс. Диодоровой «В холоде»: при переезде в Россию персонажами выбираются для самонаминации русские близкие по звучанию или смыслу имена).

Если в фильме показано, что при переезде происходит сохранение диаспоры, то акцентируется внимание (с точки зрения автохтонного населения) на чужеродность этнического быта.

При погружении в чуждый социум происходит процесс инкультурации мигранта, иногда он усилен, в том числе через кинообраз, иногда — сдерживается (документальный проект Кс. Диодоровой): персонажам важно не раствориться в чужом социуме, сохранить свою самость через этничность в том числе. Самость, этничность включает имя, семью, одежду, язык, привычный рацион питания, устройство жилища, обрядность. Трагическая двойственность судьбы мигранта связана с тем, что этничность может быть сохранена на родине, где нет средств к существованию; в обмен на средства к существованию в мегаполисе персонаж должен поступиться этничностью.

Показательно, что пролонгированные киноленты в жанре телесериала — «А у нас во дворе», «Зулейха открывает глаза», несмотря на изображенные в них сложные обстоятельства и трагедии, имеют жизнеутверждающий смысл, что было как психологическая тональность очень точно спроектировано и проведено как общая нота сериалов авторами сценария и режиссерами. Оба сериала оказываются историями о доброте и приоритете в конечном итоге примиряющих общечеловеческих ценностей. К ним близок фильм для ММЦ.

В фильмах «Айка» и проектах К. Диодоровой и Е. Зобниной центральным является мотив конфронтации героев с социумом, попытка борьбы с ним, в том числе за свою судьбу, попытка неудачная или приводящая к гибели, или к проступкам, или к разлучению с семьей. Хэппи-энд намечен только в «Айке». Кс. Диодорова и С. Дворцевой тяготеют к традициям натурализма, объективизма, сурового реализма, «чернухи» (популярной особенно в прозе 1990-х гг.). Е. Зобнина идет дальше: пытается показать предысторию и причины преступления антигероя, показать внутренний мир членов его семьи. Позиция автора расследования, как и позиция подрывника-террориста, конфронтует с официальной позицией социума и власти.

Два полюса в данной продукции как характеристики персонажа:

1) жизнестойкость положительного идеального героя («Зулейха открывает глаза», «А у нас во дворе», частично – так как здесь в качестве персонажей выступают реальные люди и их истории — «В холоде» Диодоровой),

2) изображение антигероя, гордеца-человеконенавистника, «Ларры» (по М. Горькому), ломка его жизни, его метания, потеря себя и возможное преступление (в «Айке» Дворцевого и в фильме «Питер.3.4.17» Е. Зобниной).

Воспитательный смысл имеет для установления правильной коммуникации между различными этнически группами мегаполиса версия событий «как должно быть» - например, приведенная в фильме для ММЦ в Сахарове.

Обсуждение

Необходимо ответить на вопрос о том, почему в массовой и авторской кинопродукции, даже с учетом попыток создания эмоции сострадания судьбам мигрантов, остается негативное отношение к данным образам?

Помимо исторической двойственности восприятия «Чужого» в России, нужно осознавать и этические основы данной оценки.

В советской культуре современному образу мигранта, бегущего от сложностей на родине к более «стабильной» жизни, противостоял образ комсомольца, едущего на освоение целины или на строительство Байкало-Амурской магистрали, сознательно подвергающего себя лишениям во имя Родины — по патриотическим соображениям. Образ Кузнецкстроя, Магнитки и других молодежных строек многократно воспевался в советской культуре. Сейчас образ мигранта воспринимается как образ персонажа, бросающего в беде родину в поисках лучшей жизни.

Высшим пафосом произведений соцреализма было показать социалистические изменения действительности. Этот созидательный пафос есть и в сериале «Зулейха открывает глаза»: перед коллективной волей людей оказывается бессильной даже природа. Тот же лейтмотив присутствует и в сериале «А у нас во дворе», закономерно имеющем в качестве названия строчку популярной советской песни. Образ двора создает образ совместности, возрождает идеологию коллективизма, напоминает коммуны, устойчивый к конфликтам социум. Вне идеи коллективизма и общественной пользы сложно создать художественную конструкцию, где подобный образ (трудового мигранта) вызывал бы уважение.

Между тем, созидательный и коллективистский пафос даже в документальном проекте К. Диодоровой о мигрантах отсутствует. Представлен мотив потерянности, разобщенности людей. Показан человек эры индивидуализма, с трудом сохраняющий только семейно-бытовые связи, влияющие на выживание рода. У персонажей Диодоровой нет желания созидать на своей земле, совместно трудиться вместе со своими близкими.

В отображении судьбы мигрантов в отечественном кинематографе затрагивается важнейшая тема: может ли быть счастлив человек, отказывающийся от своих корней в поисках лучшей доли? Вся мировая культура отвечала на данный вопрос отрицательно. Позитивный образ существовал только в советскую эпоху и обозначался как «семья братских народов». Этот образ остался запечатленным в некоторых именах собственных – названии журнала «Дружба народов», имени университета – «Российский университет дружбы народов». В сериале «Зулейха открывает глаза» дан ответ на то, как может быть построен этот «Рай», искомый мигрантами, – многонациональный коллектив, объединенный общим трудом по преодолению сурового северного климата, например. Это общее дело, сказочная

мечта реализуется только в гармонии личного и социального, об этом – указанные сериалы. Конфронтация с социумом и побег из дома в поисках счастья, согласно архетипическим законам архаических культур, всегда едет к трагедии и гибели. Образно говоря, в кинопродукции о мигрантах сталкиваются две мировоззренческие системы: патриархальная, консервативная, где образ мигранта не может иметь положительный смысл, а покидающий родину герой – успешную судьбу (он должен быть наказан), и индивидуалистическая картина мира эпохи капиталистического производства, накопления и потребительского рая, где достигает успеха только герой, рвущий со средой. Образ мигранта – образ персонажа, выламывающегося из жизненной колеи, из патриархального уклада жизни, аналогичный в культурном отношении образу «босняка» М. Горького.

Чтобы жертва мигранта была осмысленной, он должен в процессе своего бегства достигать не личного успеха и счастья для своей семьи, а некоего общественного блага, усовершенствования жизни социума. Такая сверхзадача, как поиск только личного блага, – мала для искусства. Персонажи, следующие таким путем, не будут оцениваться как положительные с точки зрения общечеловеческих ценностей, национальных патриотических российских приоритетов. Данные персонажи всегда будут, согласно авторской воле, развиваться по пути трагических – то есть переживать кару за отказ от родины.

Коммуну и большую патриархальную семейную систему напоминает в итоге счастье, которое обретает Мавлюда («мама Люда») в сериале «А у нас во дворе» — это дом, наполненный детьми, члены семьи Каленого, окружающие ее коллеги, врачебное сообщество, микросоциум московского двора.

Идеал будущего в фильмах о мигрантах — это идеал «Дружбы народов», «Семрука» (название поселка в сериале «Зулейха открывает глаза», отсылающий в том числе к образу сакральной сущности — Серафима).

В лучшие, проникнутые пафосом совместности, моменты фильмов «Айка», «Питер.3.4.17» также возникают мотивы совместности (санитарка ветеринарной клиники помогает Айке, молодые люди из этнической диаспоры совместно снимают жилье и ведут нелегкий быт в Санкт-Петербурге).

Преодоление этнокультурного конфликта и враждебности давала идеология многонационального государства, идеология «дружбы народов». Возможно, тоскуя по ней, а не в погоне за личным благосостоянием представители бывших союзных республик, впитав истории, рассказанные старшими поколениями семей, так тянутся молодые представители среднеазиатских государств в столицу бывшего советского межнационального рая. Противовес «дружбе народов» — конфронтация, индивидуализм, конфликт, терроризм, гибель.

«Перебивка» человеческого материала, объединение людей в коммуну, идеальный социум, в сериале «Зулейха открывает глаза» происходит именно благодаря идее коллективизма, совместной работы по изменению социального мира и мира природы. Итогом ее становится прообраз будущего в виде поселка «Семрук», даже в названии которого выражена идея совместного труда, а центром становится клуб — более напоминающий храм, с фреской, изображающей основных строителей-идеологов лагеря.

Совместность, коллективизм, присутствуют и в сериале «А у нас во дворе». Мавлюда также забывает о поисках мужа, вовлекается в общее дело с Каленым, превращаясь в ассистента частного сыщика, становится спасительницей многих судеб, в том числе и судеб мигрантов. Отдаленная аналогия подобного героя представлена в сериале «Салам, Масква» в

образе аварца-следователя, несмотря на его связь с криминалитетом через своего дядю и отца невесты.

Таким образом, мерилом отношения авторов кинематографического текста к образу мигранта является связываемый или не связываемый с мигрантом мотив общественной пользы и совместности труда на общее благо, мотив приоритета коллективистских ценностей над индивидуалистическими. Если данный переход в образе героя к мировоззрению коллективизма не происходит, то авторы фильма формируют двойственный образ мигранта как персонажа, требующего сочувствия в силу его сложной жизни, нередко – идущего к гибели. Мерой отношения к персонажу становится уровень развития его сознания – мотивов и ценностей. В этом случае идеальными персонажами (носителями этического образа) становятся Зулейха и Мавлюда, противоречивыми трагическими персонажами (ошибающимися, совершающими трагически проступки) — Айка, герой-следователь сериала «Саям, Масква», герои кинодокументалистики.

Культурные традиции в СССР в союзных республиках были универсальными, как и ценностно-мотивационная модель советского человека, формировавшаяся в том числе и у жителей союзных республик. Ценностная система воспитывалась целенаправленно и была у представителей разных республик сходной. Не было как целей накопительства и потребления, культа денег, высокого уровня безработицы. Функционировали не только предприятия, но и многочисленные колхозы и совхозы. Были гарантированы как заработная плата, так и бесплатная медицинская помощь. После распада СССР произошло возвращение союзных республик к национальным патриархальным корням. Можно сказать, что в настоящий момент на их пространстве сосуществуют разные общественно-экономические формации и разные культурные традиции. У новых постсоветских поколений исчезли слои социальных норм, общие для всех граждан СССР. После разрушения, отторжения структуры советского государства исчезло большое количество рабочих мест, предприятий, учебных заведений. Возникло явление отсутствия образования, безработица, отказа от труда. В союзных республиках произошло разрушение социальных норм существования работников нелегкого в условиях Средней Азии сельхозтруда, в том числе нежелание заниматься традиционными формами хозяйствования, как в силу тяжелого труда, так и в силу отсутствия рынков сбыта. С высокой быстротой начало происходить то же явление, что и в Российской Федерации после начала оттепели и активнее — с 1960-1970-х гг. — раскрестьянивание, «отходничество» (по аналогии с отходничеством крепостных крестьян в середине XIX в.) молодежи в крупные города — на стройки и в сферу обслуживания («лимита»). На наших глазах в XXI в. активно формируется отходничество из бывших союзных республик в крупные российские города. В принципе поведения отходников из бывших союзных республик прослеживаются черты поведения и российских внутренних мигрантов 1950-1970-х гг., и российского крестьянства XIX в. Семьи «отходников» жили на земле, но сельхозтруд был тяжелым, глава семьи или молодое поколение семьи уезжало на заработки в большой город. Последствиями было обычно то, что уехавший «сгинул», или ему удавалось заработать на корову, лошадь, землю, дом, ценную вещь, для молодежи 1950-1970-х гг. итогом была новая оседлость в мегаполисе (районы проживания «лимитчиков» разных десятилетий сейчас зачастую становятся главными очагами начавшейся реновации). Традиции отходничества и XIX, и XX, и XXI вв. сходны: аскетизм, выполнение любой посильной работы за деньги, отсылка большей части заработанных средств родным.

Однако для внешней трудовой миграции XXI века свойственны отраженные и в киноискусстве новые черты: это личный выбор в сторону риска и рискованного поведения,

желание уехать с целью изменить жизнь, получить возможности «социального лифта», привилегии по сравнению с оседлыми жителями родины.

Часто данный отъезд — бегство в иную социально-экономическую формацию, в иной уровень развития цивилизации, вызвано нежеланием заниматься рутинным и тяжелым сельскохозяйственным трудом.

Отъезд связан также и с неприятием традиционных патриархальных этнических ценностей, восприимчивость к новым универсальным ценностно-мотивационным моделям массовой культуры.

Для изменения ситуации (широкая распространенность условных, обобщенных недостоверных с точки зрения этнокультуры образов-функций, установка на мелодраматичность сюжета) в кинопродукции о мигрантах в современном отечественном кино, как нам кажется, требуется:

1) знание национальной культуры и языка – как авторами, так и актерами, или привлечение консультантов-этнологов;

2) изображение не только «того, что есть» (основная часть проанализированных фильмов), но и «того, как должно быть» (уникальный фильм с участием профессионального актера по заказу ММЦ, отражающий нормативную модель поведения трудового мигранта в российском мегаполисе).

Выводы

Проанализированные отечественные кинотексты либо ориентированы на традиции сентиментальной культуры (сострадание к «естественному человеку»), либо на развлекательность сюжета. Нередко используются традиции «натурализма» (конец XIX в.), так называемой «чернухи» (искусство 1990-х годов XX в.). Судьбы героев однотипны и гендерно предопределены (одинокая героиня с детьми, часто теряющая их или нуждающаяся в защитнике; осознанно или случайно вовлекаемый в криминальную деятельность или гибнущий герой). Не ставится целью демонстрация менталитета и культуры сообщества мигрантов (о которой авторы могут быть мало осведомлены), ценностной системы героев. Кинотекст может быть «лубочным», относиться к так называемой «наивной» культуре (искусству), чаще всего может строиться по архетипической модели, описанной В. Я. Проппом, а именно — по модели сказки о «путешествии в чужую страну».

Вероятно, требуется тесное взаимодействие миграционной службы и, возможно, психологических служб, а также экспертов-культурологов в области этнических культур, изображенных в данной продукции, с кино- и журналистской общественностью (в случае кинодокументалистики) для консультаций по вопросам содержания произведений подобного рода. Может быть, в некоторых случаях, должно быть рекомендовано обращение к принципу классицистической эстетики (или советской кино-эстетики), то есть - изображать не только то, что есть (то есть чаще всего негатив), но и «то, что должно быть», с целью воспитания правильного восприятия сообщества мигрантов в российских мегаполисах. Следует глубже и с научным, возможно, подходом, используя этнокультурные исследования (а не опираясь на стереотипы, шаблонную массовую культуру), показывать национальную культуру и мировоззрение мигрантов, делая его более понятным, и потому не «чужим» и «враждебным» для автохтонного населения. Художественный и документальный кинематограф может обучать «принимающее население» квалифицированно общаться с сообществами мигрантов, в художественной форме обучать азам их культуры, в том числе знакомить с

существующими в менталитете мигрантов значимыми мировоззренческими символами, поведенческими и иными «табу» и т. п.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годы (НИР 0006-2020-0001).

Список литературы:

1. Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement // Journal of ethnic and migration studies. 2017. V. 43. №15. P. 2556-2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
2. Вахрушева Д., Барышникова А., Вдовенко И. Положение уязвимых групп в период распространения инфекции COVID-19: Потребности и меры поддержки. М., 2020. 115 с.
3. Андреев А. П. Незаконная миграция как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2017. №2(105). С. 30-32.
4. Андреев А. П., Кокунова С. Д. Влияние незаконной миграции на наркоситуацию в Российской Федерации - Противодействие терроризму // Проблемы XXI века - COUNTER-TERRORISM. 2017. №4. С. 19-27.
5. Андреев А. П., Слуцкая Е. А. Незаконная миграция как угроза экономической безопасности и фактор усиления проявлений терроризма в современной России // Актуальные проблемы комплексного обеспечения экономической безопасности в современной России. М. 2016. С. 195-203.
6. Ахметвалиева М. Г. Проблемы формирования основ здоровьесбережения у потенциальных мигрантов // Международный правовой курьер. 2019. №5. С. 37-45. DOI: <https://doi.org/10.34790/PL.2019.2019.39667>
7. Ахметвалиева М. Г., Ким А. С. Направления формирования культуры здоровьесбережения у потенциальных мигрантов // Международный правовой курьер». 2019. №5. С. 1-7. <https://doi.org/10.34790/PL.2019.2019.40600>
8. Бредихин А. В. Противодействие распространению идеологии экстремизма в полиэтничной среде Ростовской области // Государственное управление. 2018. №67. С. 31-45.
9. Деминцева Е. Б. Этнические vs социальные границы: Дети мигрантов в школах // Этнографическое обозрение. 2019. №2. С. 98-113.
10. Деминцева Е. Б., Кашницкий Д. С. Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // Вестник Российской нации. 2015. №4. С. 214-226.
11. Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. №597-598.
12. Дорохов Д. А. История формирования отношения к мигрантам в современной иркутской прессе: автореф. дисс. кандидата исторических наук. Иркутск. 2003. 27 с.
13. Идрисов Р. Ф., Пещеров Г. И. Миграционная политика государства: Поиск рационального пути в условиях геополитического переустройства мира // Власть. 2017. Т. 25. №1. С. 126-129.
14. Клекоцюк А. Л., Опалев А. В. О научных подходах к противодействию транснациональной организованной преступности // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. Т. 2. №2-3. С. 14-20.
15. Кокунова С. Д., Андреев А. П. Влияние незаконной миграции на наркоситуацию в Российской Федерации // Национальная безопасность. 2017. №5 (52). С. 1-13.

16. Маткаримова Г. В. Динамика развития этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. Вып 26(737).
17. Маткаримова Г. В. Уровни и характерные особенности этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. С. 171-184.
18. Нос Н. М. Мигрантофобия как социальное явление в структуре межэтнических отношений: автореф. дисс... канд. социол. наук. Краснодар. 2007. 28 с.
19. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Международная миграция и безопасность российских регионов: статистический анализ и опыт построения типологии // Society and security insights. 2008. №1. С.13-31. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)1-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)1-01)
20. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М: МГУ. 1997. 400 с.
21. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М. 1998. 512 с.
22. Сулягина Ю. О. Современные тенденции процесса трудовой миграции в российских мегаполисах // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. С. 6 -11.
23. Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: 2011. 384 с.
24. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: Природа и следствия национальных различий // Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5., №2. С.37-67.
25. Шульц В. Л., Идрисов Р. Ф., Терехова Н. Н. Угрозы этносепаратизма и религиозного экстремизма в Приволжском Федеральном округе // Национальная безопасность. 2010. №4(9). С. 22-27.
26. Юрченко И. В., Донцова М. В. Деструктивные информационные воздействия как фактор этнополитической напряженности (на примере Краснодарского края и Адыгеи) // Вестник Южного научного центра РАН. 2015. Т. 11. №1. С. 80-89.
27. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности М. 2007. 567 с.
28. Якшибаева Г. В. Анализ динамики и классификация типов трудовой миграции в России // Экономика труда. 2017. Т. 4(4). С. 431-444. <http://doi.org/10.18334/et.4.4.38589>

References:

1. Demintseva, E. (2017). Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement. *Journal of ethnic and migration studies*, 43(15), 2556-2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
2. Vakhrusheva, D., Baryshnikova, A., & Vdovenko, I. (2020). Polozhenie uyazvimykh grupp v period rasprostraneniya infektsii COVID-19: Potrebnosti i mery podderzhki. Moscow. (in Russian).
3. Andreev, A. P. (2017). Nezakonnaya migratsiya kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2(105). 30-32. (in Russian).
4. Andreev, A. P., & Kokunova, S. D. (2017). Vliyanie nezakonnoi migratsii na narkosituatsiyu v Rossiiskoi Federatsii - Protivodeistvie terrorizmu. *Problemy XXI veka - COUNTER-TERRORISM*, (4). 19-27. (in Russian).
5. Andreev, A. P., Slutskaya, E. A. (2016). Nezakonnaya migratsiya kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti i faktor usileniya proyavlenii terrorizma v sovremennoi Rossii. *In Aktual'nye problemy kompleksnogo obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti v sovremennoi Rossii*, Moscow. 195-203. (in Russian).

6. Akhmetvalieva, M. G. (2019). Problemy formirovaniya osnov zdorov'esberezheniya u potentsial'nykh migrantov. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er*, (5). 37-45. (in Russian). <https://doi.org/10.34790/IL.2019.2019.39667>
7. Akhmetvalieva, M. G., & Kim, A. S. (2019). Napravleniya formirovaniya kul'tury zdorov'esberezheniya u potentsial'nykh migrantov. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er*, (5). 1-7. (in Russian). <https://doi.org/10.34790/IL.2019.2019.40600>
8. Bredikhin, A. V. (2018). Protivodeistvie rasprostraneniya ideologii ekstremizma v polietnichnoi srede Rostovskoi oblasti. *Gosudarstvennoe upravlenie*, (67). 31-45. (in Russian).
9. Demintseva, E. B. (2019). Etnicheskie vs sotsial'nye granitsy: Deti migrantov v shkolakh. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2). 98-113. (in Russian).
10. Demintseva, E. B., & Kashnitskii, D. S. (2015). Meditsinskaya pomoshch' migrantam iz Srednei Azii v Moskve v usloviyakh sotsial'noi isklyuchennosti. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, (4). 214-226. (in Russian).
11. Demintseva, E. B., & Peshkova, V. M. (2014). Migranty iz Srednei Azii v Moskve. *Demoskop Weekly*, (597-598). (in Russian).
12. Dorokhov, D. A. (2003). Istoriya formirovaniya otnosheniya k migrantam v sovremennoi irkutskoi presse: avtoref. diss. kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk. (in Russian).
13. Idrisov, R. F., & Peshcherov, G. I. (2017). Migratsionnaya politika gosudarstva: Poisk ratsional'nogo puti v usloviyakh geopoliticheskogo pereustroistva mira. *Vlast'*. 25(1). 126-129. (in Russian).
14. Klekotsyuk, A. L., & Opalev, A. V. (2017). O nauchnykh podkhodakh k protivodeistviyu transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti. *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie*, 2(2-3). 14-20. (in Russian).
15. Kokunova, S. D., & Andreev, A. P. (2017). Vliyanie nezakonnoi migratsii na narkosituatsiyu v Rossiiskoi Federatsii. *Natsional'naya bezopasnost'*, 5(52). 1-13. (in Russian).
16. Matkarimova, G. V. (2015). Dinamika razvitiya etnokonfessional'noi napryazhennosti v stolichnom megapolise. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 26(737). (in Russian).
17. Matkarimova, G. V. (2016). Urovni i kharakternye osobennosti etnokonfessional'noi napryazhennosti v stolichnom megapolise. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 171-184. (in Russian).
18. Nos, N. M. (2007). Migrantofobiya kak sotsial'noe yavlenie v strukture mezhetnicheskikh otnoshenii: avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk. Krasnodar. (in Russian).
19. Omel'chenko, D. A., Maksimova, S. G., & Noyanzina, O. E. (2008). Mezhdunarodnaya migratsiya i bezopasnost' rossiiskikh regionov: statisticheskii analiz i opyt postroeniya tipologii. *Society and security insights*, (1). 13-31. (in Russian). [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)1-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)1-01)
20. Petrenko, V. F. (1997). Osnovy psikhosemantiki. Moscow. (in Russian).
21. Propp, V. Ya. (1998). Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Moscow. (in Russian).
22. Sulyagina, Yu. O. (2016). Sovremennye tendentsii protsessa trudovoi migratsii v rossiiskikh megapolisakh. *In Materialy Afanas'evskikh chtenii*, 6 -11. (in Russian).
23. Triandis, G. K. (2011). Kul'tura i sotsial'noe povedenie. Moscow. (in Russian).
24. Shvarts, Sh. (2008). Kul'turnye tsennostnye orientatsii: Priroda i sledstviya natsional'nykh razlichii. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 5(2). 37-67. (in Russian).

25. Shul'ts, V. L., Idrisov, R. F., & Terekhova, N. N. (2010). Ugrozy etnoseparatizma i religioznogo ekstremizma v Privolzhskom Federal'nom okruge. *Natsional'naya bezopasnost'*, 4(9). 22-27. (in Russian).

26. Yurchenko, I. V., & Dontsova, M. V. (2015). Destruktivnye informatsionnye vozdeistviya kak faktor etnopoliticheskoi napryazhennosti (na primere Krasnodarskogo kraya i Adygei). *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*, 11(1). 80-89. (in Russian).

27. Yadov, V. A. (2007). Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noi real'nosti, Moscow. (in Russian).

28. Yakshibaeva G. V. (2017). Analiz dinamiki i klassifikatsiya tipov trudovoi migratsii v Rossii. *Ekonomika truda*, 4(4). 431-444. (in Russian). <http://doi.org/10.18334/et.4.4.38589>

*Работа поступила
в редакцию 12.08.2020 г.*

*Принята к публикации
17.08.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Кузина Н. В., Кузина Л. Б. Отражение и предотвращение этноконфессиональных конфликтов российского мегаполиса в произведениях авторского и массового кинематографа // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №10. С. 339-366. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/59/31>

Cite as (APA):

Kuzina, N., & Kuzina, L. (2020). Reflection and Prevention of Ethno-Confessional Conflicts Within Russian Megapolis in the Works of Author and Popular Cinema. *Bulletin of Science and Practice*, 6(10), 339-366. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/59/31>